

Валерий Ганичев. Вспоминая просветителя и делателя

Минуло два года с кончины Валерия Николаевича Ганичева. Рассказать о нём непросто. Завидная, до предела насыщенная событиями и трудами жизнь, живой интерес ко всему, разнообразные умения и таланты. Державник, неутомимый «дела делатель», он жил, учился и работал в Сибири, на Украине, в Москве, впитал нравы и обычаи разных краёв и

народов. В его биографии слились воедино разные поприща – учительство в Николаеве, работа в украинском, а потом и в московском комсомоле, издательская деятельность в «Молодой гвардии», редакторство в «Комсомольской правде» и в журнале «Роман-газета». На протяжении почти четверти века Ганичев – председатель Правления Союза писателей России, крупнейшего в стране, и заместитель Святейшего Патриарха во Всемирном русском народном собрании.

Вот как вспоминал он о начале своей трудовой биографии в одном из наших разговоров:

– Я окончил Киевский державный университет и был распределён в Николаев – город судостроителей, корабелов. Рабочий город. Ровные красивые улицы с судостроительными и морскими названиями – Артиллерийская, Качельная, Конопаточная, Гардемаринов. Я там начинал учительствовать. Ведь этот город возник чуть более 200 лет назад. И я делаю для себя «открытие»: ведь до середины XVIII века это была дикая половецкая степь, земли, захваченные у Древней Руси Османской империей и крымскими ханами. Оттуда шли набеги на Русь, забирали ясырь – невольников и невольниц, которых продавали потом на рынках. Пётр I не совладал: он пробил окно в Европу, но осада Азова и потом Прут ему не удалось...

А Екатерина потом писала: за что ни возьмусь, а Пётр уже всё начинал. Первая глава в «Россе непобедимом» у меня начинается с того, что она встречается с Ломоносовым, и он ей говорит:

«Вот, матушка, есть у России окно на Запад, а должно быть и полуденное окно – на юг».

Для меня это стало генеральной линией. За две русско-турецких войны (1768–1773 гг. и 1788–1791 гг.) эти земли были отвоёваны и заселены. Выросли красавцы-города: Екатеринославль, Одесса, Николаев, Херсон, Мариуполь, Мелитополь, Ростов-на-Дону, Симферополь, Севастополь. Невероятный рывок России на юг, который может быть приравнен к великому подвигу освоения Сибири! Россия вышла в Европу, Азию, Африку морским путём! Недаром вся эта земля была названа Новороссией!

И когда сейчас идут спекуляции – «А це ж наше!». Да не було це ваше, это было общее. Древняя Русь, а потом Россия, Новороссия. У Потёмкина, великого стратега и преобразователя, была идея сделать Екатеринославль третьей столицей империи, – говорил Ганичев. – Не знаем, как бы повернулась история, если бы это произошло...

– А как вы встретили свою любовь, которая стала главной и единственной? – спросил я его тогда.

– Это опять город Николаев. Его не зря называли городом невест, потому что моряки Черноморского флота приходили на зимние квартиры, на ремонт именно туда, где их поджидали девушки, и где жёны ждали встречи со своими сужеными. В 1958 году я уже был секретарём обкома, когда вдруг в «Огоньке», в «Известиях» и в «Учительской газете» появляется фотография красивой девушки, которая дирижирует пионерским хором. И подпись: «Светлана. Город Николаев».

Когда я выступал в этом городе с рассказами о Московском фестивале молодёжи и студентов 1957 года, спросил про неё: «А где эта девушка?». «А вон её ребята выступают», – показывают мне на поющих и танцующих. Потом ехидничали: «Ты специально присудил ей первое место!». Вот так и познакомились. Она всё упрекала меня, что я плохо танцевал. Но через год в сентябре мы поженились...

Многое связано у меня с Николаевым. В моём романе «Росс непобедимый» есть глава о том, как Фалеев, строитель города, произвёл массовую свадьбу в «День невест». Но число я поставил именно – 26 сентября...

– ...Своё число...

– Своё, – подтвердил он.

Комсомольский пропагандист смолоду, Ганичев, как многие в его поколении, пришёл к вере сложившимся человеком. Были такие,

кто норовил углядеть в этом знак приспособленчества к новым временам и веяниям. Таким приходилось отвечать: вспомните «Деяния святых апостолов» – главу о Савле, который обернулся Павлом, и вам может многое проясниться.

Вера расширила его понимание Православия как духовных очей русского народа в его историческом развитии – в покорении громадных пространств, в умении ладить с инославными и с иноплеменными, преодолевать бедствия, смуты и войны. Молитвенная тишина храмов, проповеди отцов церкви – привычная часть его духовного бытия.

Ганичев издавал лучших писателей СССР и России. «В «Молодой гвардии» он был прекрасным директором», – вспоминал о нём работавший под его началом писатель и художник Сергей Луконин. Сам Ганичев написал бы гораздо больше, если бы судьба не поставила его издавать книги других, руководить Союзом писателей в пору, когда советская мода на чтение улетучилась в несколько лет вместе со страной, когда читателей выкосило моровым поветрием, а писатель стал беден, едва ли не нищ. Поддерживать в литераторах веру в нужность своего призвания стало очень непростым делом.

Ганичев любил общение, ему был интересен всякий человек. С увлечением беседовал он с сотнями людей, председательствовал на бесчисленных заседаниях в прежнее и в новое время. Его умение задать тон дискуссии, увязать воедино противоречивые подходы, благожелательно отметить вклад каждого говорило о его большом опыте дипломата и политика. Его собеседниками и авторами были первые космонавты страны и увешанные орденами прославленные маршалы, почтенные классики советской литературы и желторотые птенцы, едва пробующие перо.

Со страниц его прозы и дневников, из статей, выступлений и рецензий встаёт вереница мощных характеров, головокружительных судеб – творцов, подмастерьев, начинающих и маститых, людей простых или из первого ряда. Как-то я спросил его о встречах с Михаилом Шолоховым.

– Я много раз с ним встречался, – отвечал Валерий Николаевич.
– В начале 80-х гг. Шолохов – патриарх нашей литературы. К его слову прислушивалась страна, общество, народ. Власть оделяла его всеми регалиями (депутат, член ЦК), но относилась к нему насторожено. С опаской и даже неприязненно. Никита Хрущёв пытался его сломить – Шолохов был против его реформ в виде совнархозов, сельских и городских обкомов партии, против

внедрения всюду и везде чумизы, кукурузы.

Брежнев поначалу отнёсся к нему подчёркнуто уважительно. Но потом возревновал к крепкой дружбе Михаила Александровича с Косыгиным... Не стоит додумывать лишнее о противостоянии власти и Шолохова. Писатель при всей своей независимости в зряшную полемику не вступал. Он сознавал свой долг перед литературой и своими произведениями.

– А как складывались его отношения со Сталиным?

– Некоторые пытаются, – продолжил свой рассказ Валерий Николаевич, – представить его врагом Сталина: дескать, Сталин только и думал, как посадить Шолохова в каталажку. Сталин, конечно, мог уничтожить Шолохова, но он чувствовал его величие, его талант. Он вбирал от него взгляд на народ, на казачество, на нашу историю, и врагом его личным не был, хотя пытался всё время «ставить его на место», не допустить возвышения авторитета писателя выше собственного.

Вспоминаю его рассказ, который слышал много лет назад. Михаил Александрович с передовой Западного фронта приехал в редакцию «Красной звезды», отдал подготовленный материал и вдруг получил приглашение в ВОКС (Всероссийское общество культурных связей) – предшественник СОДа – Общества дружбы с зарубежными странами.

Я – говорил Шолохов, – ещё думал, идти – не идти. Одежда – гимнастёрка, галифе помятые, подмасленные, фронтовые. Да и обещал возвратиться поскорее. Но воксовцы звонили, настаивали: «Важная встреча! Нам присылают американскую помощь!». Ладно! Пришёл в Дом ВОКСа. Все толпятся вокруг кресла, на котором восседает невзрачный, похожий на скворца человек. Подбегают и ведут к креслу. Представляют по-английски:

– Это наш всемирно известный русский писатель Шолохов.

А он, сидя в кресле, небрежно протягивает мне руку. Разобрало. Я как крикну:

– Встать!

Он и вскочил, обе руки протянул. Оказалось, в прошлом из Одессы. Пригласили за стол. Провозгласили тост. Гость на меня с опаской косится, и Илья Эренбург ему рассказывает: в Калуге его поразило, что в центре города повесили еврейскую девочку. Я даже по столу пристукнул:

– А тебя, Илья, не поразило, что во рвах и на улицах тысячи русских убитых лежали?!

С досады хлопнул полстакана водки и вышел. Кто-то за мной

побежал, кто-то просил возвратиться, но я отмахнулся.

Пришёл в гостиницу и думаю: сейчас уехать на фронт или утром? Решил – утром. А утром – стук в дверь. Открываю... Два капитана с голубыми петлицами:

– Товарищ Шолохов?

– Да...

– Пройдёмте...

Ну, вот, думаю, говорил же себе, что надо вечером было ехать. Выхожу. Сажусь в машину. Те двое рядом с двух сторон. Едем от гостиницы «Москва». Смотрю: если прямо, то на Лубянку, к Берию, если направо, то в Кремль. Повернули направо, ещё раз направо, проехали через Спасскую башню в Кремль. Провели меня по коридорам, заводят в кабинет, и исчезают. За столом – Поскрёбышев, помощник Сталина. Молчит, и я промолчал, сел. Смотрю на галифе, а они замасленные над коленями. Тушёнку в землянке поешь, а руки потом положишь на колени. ... Пятна получают. Звонок. Поскрёбышев зашёл. Через минуту выходит. Распахивает дверь, показывает рукой – заходи. Зловеще шепчет: «На этот раз тебе, Михаил, не отвертеться», Я пожал плечами, ещё раз подумал: «Надо было вечером уехать», – и зашёл. Дверь за мной аккуратно так закрылась. У окна спиной ко мне стоит Сталин, курит трубку. Молчит. Проходит минута, вторая. Затем тихое покашливание, и из дыма трубки жёсткий голос с характерным акцентом:

– Товарищ Шолохов, гаварят, вы стали больше пить?

У меня что-то мелькнуло в голове, не объясняться же, я и ответил:

– Больше кого, товарищ Сталин?

Трубка у него вся заклубилась, он запыхал ей, запыхал, головой покачал, и, отойдя от окна, с лёгкой улыбкой пригласил сесть. Прошёлся вдоль стола и спросил:

– Скажите, когда Ремарк написал «На Западном фронте без перемен»?

– Кажется, в 28-м, товарищ Сталин.

– Мы не можем ждать столько лет, товарищ Шолохов. Нужна книга о тех, кто сейчас сражается за Родину.

– А я уже о такой книге думал... Ещё мы говорили о солдатах, о генералах, о женщинах, о жертвах... Когда выходил, Поскрёбышеву под нос кукиш сунул:

– На!

И вечером был на фронте»...

– У Шолохова, как известно, недоброжелателей было много...

– Враги у него, конечно, были. Он и рассказал мне, – вспоминал Валерий Николаевич, – как «ещё при живом Горьком» за столом у того, на него долго и пристально глядел всесильный шеф НКВД Ягода, а потом протянул рюмку и, как бы приняв решение, сказал: «А всё-таки, Миша, ты – контрик». Я, вспоминал Михаил Александрович, понял, что надо немедленно куда-то скрываться. Посидел немного и домой, чтобы собрать пожитки. Вдруг звонок. «Михаил, – говорит Ягода, – надо встретиться». Я говорю: «Поздно. Далеко ехать». Он успокоил: «Машина уже внизу стоит». Привезли меня на улицу Грановского, завели. В большой комнате стол после гулянки, и на скатерть забросили остатки закусок. И стоит на открытом уголке бутылка водки и банка шпрот с одной вилкой рядом. Выходит Ягода, всклокоченный, растрёпанный и говорит: «Очень что-то плохо, Михаил, сегодня. Давай выпьем». Налил по рюмке. Чокнулись. Выпили. Я ищу глазами, чем бы закусить, а он показывает на шпроты. Вилка одна. Он махнул головой: давай ты. Взял одну рыбку, ещё одну. А он постоял, махнул рукой: «Ну ладно, давай иди». Для чего звал? Меня отвезли домой, и начались дикие рези в желудке. Что делать? Звонок: Ягода! «Ты там как?» – «Резь в желудке». – «Ну ладно, сейчас будет машина, отвезут в мою поликлинику. Спускайся». Я выхожу, а эти вроде бы и не уезжали. Отвезли в поликлинику. Санитары подняли меня на носилках. Вышли трое в белых халатах. Двое встали передо мной, пощупали живот: «Аппендицит! Будем делать операцию и срочно!» А за их спиной стоит женщина и качает головой: «Не надо!» Я понял, что это ангел кивнул головой. Они ушли, а я сполз с кровати, выбрался на улицу, два пальца в рот, по-казачьи. Добрался до друга, прополоскал водкой желудок и утром уехал в Вешенскую».

Валерий Николаевич с удовольствием рассказывал о своих именитых собеседниках. Высокий, стройный, с негромким голосом, мягкий в движениях и в речах, Ганичев действовал на других усмиряюще, хотя при случае мог и резко осадить забывшегося, подбодрить оробевшего. Почти четверть века исполнял он своё служение Председателя правления СП.

Его присутствие, неприметное и недокучливое, явственно ощущалось всегда. Помню многие поездки с Валерием Николаевичем по стране. Вот лишь один эпизод. В поездках за трапезу все садятся, кто как успел или «по интересам», по дружеским привязанностям, свои со своими. Однажды за банкетным ужином я,

тогда новичок в писательской ватаге, оказался один – к одним уже было занято, к другим был не зван. Завидев это, Валерий Николаевич, не говоря ни слова, взял и пересел ко мне с соседнего стола. Незаметный, вроде бы, жест, а как много говорит о его внимании к людям!

В пору «устранения русской национальной культуры с культурного поля», когда, «казалось бы, всё настроено против возрождения значимости русского писателя», против сохранения русского слова и русского языка, он возвысил свой голос за восстановление «тысячелетней культурной традиции». Представителей русской провинции, громко возмущался он, изгнали со всех каналов телевидения и с любых значимых информационных трибун.

Внешне мягкий в увещеваниях и речах, он разительно преображался на страницах: его публицистика кипела и жгла, он разил русофобов, презиравших народ, русскую историю и отечественную литературу, неистово и страстно...

Ганичев принадлежал к той патриотической части советской номенклатуры, которая в условиях жёсткой партийной цензуры и господства классовой идеологии, отстаивала историческую преемственность Отечества, неразрывность его судьбы. В противовес господствующим в советское время догмам он хорошо знал, что история Отечества началась не в 1917 году. Не началась она и в 1991-м, о чём во всеуслышание с самых высоких трибун объявляли новые пустоголовые ниспровергатели вчерашнего. История Отечества едина и неразрывна – это хорошо понимал Валерий Ганичев, это понимание отстаивал словом и делом. Отвергал он и штампы нынешнего либерального времени, когда правилом хорошего тона стало охаивание всего советского опыта.

Немудрено, что от вопиющей действительности «святых 90-х» писателю хотелось убежать в прошлое. Оно всегда его влекло – особенно пропахший дымом славных сражений XVIII век, к концу которого, как говаривал канцлер Безбородко, ни одна пушка в Европе не могла выстрелить без позволения России. Особенное место занимают его произведения о Фёдоре Ушакове. Благодаря рдениям Ганичева адмирал был и отмечен на Руси по-особому – канонизирован Русской православной церковью и причислен к лику святых. Российский военно-морской флот, овеянный славой побед в беспримерных сражениях трёх столетий, в лице святого Феодора получил своего небесного покровителя.

Ушаков был рождён самой русской действительностью, в числе многих героев «екатерининского века». Был мощным и вполне земным человеком, вышедшим из русской глубинки. Не проиграл ни одного сражения. Когда знаменитого британского адмирала Нельсона хотели похвалить, то называли его «английским Ушаковым». Почему? Да потому что он изучал и копировал все сражения и приёмы русского флотоводца. Ушаков занял почётное место в мировой и российской батальной истории, а затем, два столетия спустя, прошествовал в пантеон небесных заступников Отечества. Во время Великой Отечественной войны Сталин учредил орден Ушакова для отличившихся в операциях на море.

Из интервью с автором:

– В 1999 году собрали мы исторических писателей. Патриарх обратился к нам с приветствием и сказал, что русская классическая литература в немалой степени спасла нравственность наших людей в годы атеизма. Литература внутри себя сохранила все те ценности, законы, требования, которые в то время не могли быть проповедуемы через церковь.

Вот в этом смысл, задачи и цель нашего Союза писателей – следовать великому направлению классической литературы. Она наша спасительница...

...10 июля 2018 года, в солнечно-ясный, приветливый полдень в Переделкино, возле соборного храма благоверного князя Игоря Черниговского и Киевского, собирались родные, друзья и коллеги, чтобы проститься с Валерием Николаевичем Ганичевым. Место для строительства храма выбирал ещё Святейший Патриарх Алексий II, освятивший закладной камень в 2010 году.

Пришедших отдать последнее целование главе Союза было много – небольшая площадь перед входом в храм была запружена народом, а люди всё шли и шли. Рукопожатия, объятия, тоекратные лобзания. Здесь же семья Валерия Николаевича – дочь Марина с домочадцами.

Хоть и знали мы о давней болезни нашего председателя, но всё же весть о его кончине, как бритвой, полоснула по сердцу. Казалось, износу ему не будет, и его по-прежнему будет хватать на все восемь тысяч членов нашего Союза писателей, с отделениями во всех концах необъятной страны – от Калининграда до Сахалина. Его совета, поддержки и поощрения искали и получали многие, его укор осаживал самых забубённых в писательском цеху...

Он по-особому, по-своему был близок и нужен многим – десяткам,

сотням разных людей, совсем не похожих друг на друга. У нас, как известно, что ни город, то норы, что ни деревня, то обычаи. Но для всякого у него находился сугубый подход: непомерные самолюбия он утишал, гневливых усмирал, талантливых и робких выделял.

Как он смог сохранить Союз в пору жестокого безденежья, откровенного пренебрежения и враждебности либералов во власти к русской литературе и к писательскому ремеслу, в годы катастрофического падения книжных тиражей, закрытия библиотек, сокращения уроков словесности и русского языка в школах? Страна на протяжении жизни одного поколения превратилась из самой читающей в мире в территорию, чьё население стало, по задумкам новых «образованцев», «квалифицированным потребителем» гламурной пошлятины на эстраде, телеэкране и в книге. Один Бог ведает, что стоило Ганичеву вести корабль российской словесности через мутные и бурливые воды нового, чуждого времени.

Но он неумолимо работал со всеми в правящей элите, кто понимал значение отечественной литературы в духовном возрастании нации и в сбережении единого культурного пространства вчерашних республик страны (в первую голову славянских). Все, кто был озабочен кризисом духовности в обществе и упадком просвещения народа, становились его союзниками – архиереи православной церкви, губернаторы, учёные, библиотекари, вузовские преподаватели, университетская профессура, учителя, директора музеев и художественных галерей.

И, конечно, писатели. Выстояли, сдюжили, и ныне Союз не просто признают и принимают губернаторы многих краёв и областей. Они считают своим долгом помочь нашим отделениям на местах, которые по справедливости считаются полномочными представителями российской творческой интеллигенции. Огромную роль сыграла деятельность Валерия Николаевича во Всемирном Русском народном соборе, где он в качестве заместителя председателя имел трибуну для отстаивания прав русского народа и укрепления межнационального мира в стране.

Все два десятилетия существования «Слова» Валерий Ганичев был не только членом Общественного совета газеты – он был нашим деятельным и желанным автором. Десятки больших и малых статей, выступлений на заседаниях Всемирного Русского народного собора, размышлений о нашем времени, о Фёдоре Ушакове, о судьбах отечественной литературы, о писательстве, о русском

языке... «Ты всё печатал, Витя. Всё, что он давал», – сказала мне в день прощания с Валерием Николаевичем дочь писателя Марина Валерьевна, и эти слова были самой большой похвалой для нас.

Много ли на Руси за всю историю нашей словесности писателей, которым довелось увидеть героя своих произведений причисленным к лику святых? А Валерию Ганичеву с русским адмиралом Ушаковым удалось именно этим завершить своё великое послушание в русской литературе!

А какие сокровища вручал он нам для публикации в период становления газеты! Можно ли забыть, что именно Валерий Николаевич много лет назад передал для «Слова» рукописи дневников Георгия Свиридова, великого русского композитора и патриота? Мы стали первым изданием, где российский читатель смог познакомиться с высоким полётом мысли и чувствований этого выдающегося сына России.

Виктор Линник

СЛОВО